

Теперь же, Книга, плод моих трудов, иди
И покажи всем, что хранишь в своей груди.
Ты развлекай и поучай друзей моих,
Пусть верный путь к добру им мой укажет стих.
Надеждой льщу себя, что сбудутся мечты,
Что жизни смысл понять им всем сможешь ты.
Ты познакомь их с Милосердием; оно
На жизненном пути быть правилом должно.
Пусть голос звучный твой дев юных призовет
Ценить тот мир, что есть, и тот, что всех нас ждет.
В душе имея Господа, пусть с Ним
Пойдет надежнейшей тропею пилигрим.

Джон Беньян

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Без подарков и Рождество не Рождество, — недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврик перед камином.

— Как это отвратительно — быть бедным! — вздохнула Мег и опустила взгляд на свое старое платье.

— Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, — обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

— Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, — с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица, освещенных огнем камина, на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

— Нет у нас папы и долго не будет.

Она не произнесла: «Быть может, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них — там, где сражаются*.

* Действие происходит в одном из городов на севере США в период Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865). *Здесь и далее примечания переводчика.*

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

— Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Зима предстоит тяжелая, и мама считает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, в то время как мужчины несут все тяготы фронтовой жизни. Мы мало чем можем помочь им, но все же способны принести свои маленькие жертвы и должны делать это с радостью. Но, боюсь, в моей душе этой радости нет. — И Мег покачала головой, с грустью подумав обо всех тех красивых вещах, которые ей хотелось иметь.

— А по-моему, те небольшие карманные деньги, какие у нас есть, не могут принести заметную пользу. У каждой из нас всего лишь доллар, и вряд ли мы так уж поможем армии, если пожертвуем ей эти деньги. Я согласна не ожидать никаких подарков от мамы и от вас, но очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама»*. Я так долго об этом мечтала! — сказала Джо, которая была известной пожирательницей книг.

— Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты, — проронила Бесс с таким легким вздохом, что его услышали лишь стоявшие поблизости подставка для чайника и щетка для выметания очага.

— А я куплю себе коробку цветных карандашей. Мне они совершенно необходимы, — заявила Эми решительно.

— Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах, и она, конечно, не станет требовать, чтобы мы

* «Ундина и Синтрам» (1811) — произведение немецкого писателя-романтика Фридриха де ла Мотт Фуке (1774—1843).

полностью отказались от всяких удовольствий. Пусть каждая из нас купит что хочет, и мы хоть немного порадуемся. По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились! — воскликнула Джо, по-мужски оглядывая каблуки своих стоптанных туфель.

— Уж мне-то действительно пришлось нелегко — учить этих надоедливых детей чуть ли не целыми днями, когда так хочется домой, — снова начала Мег жалобным тоном.

— Тебе было далеко не так тяжело, как мне, — заявила Джо. — Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с суматошной и капризной старухой, которая не дает тебе ни минуты покоя, вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброститься из окна или зарыдать?

— Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и поддерживать порядок в доме — самая неприятная работа на свете. От нее я становлюсь раздражительной, а руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. — И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

— А я думаю, что ни одна из вас не страдает так сильно, как я! — воскликнула Эми. — Ведь вам не приходится ходить в школу и сидеть там с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и *чистят* твоего отца, так как он небогат.

— Если ты хочешь сказать *чистят*, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, — посоветовала Джо со смехом.

— Я прекрасно знаю, что я хочу сказать, и ни к чему обращаться ко мне с таким *старказмом*. Это очень похвально — употреблять хорошие слова и пополнять свой *лисикон*, — с достоинством парировала Эми.

— Не клюйте друг друга, детки. Разве тебе, Джо, не хотелось бы, чтобы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими? — сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. — Боже мой! Какими счастливыми и доброжелательными были бы мы, если бы у нас не было забот!

— А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, потому что они только и делают, что ссорятся да дерутся.

— Конечно, Бесс, я это говорила и действительно думаю, что мы счастливее их, пусть даже нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

— Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! — заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и зашвистела.

— Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

— Именно поэтому и свищу.

— Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

— Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

— «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», — запела Бесс с таким забавным выражением лица, что раздраженные голоса сменились смехом и «птички» на время перестали клевать друг друга.

— Право же, девочки, обе вы заслуживаете порицания, — рассудительно сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. — Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этих мальчишеских выходок и вести себя как подобает девушке. Твои манеры не имели большого значения, пока ты была маленькой. Однако теперь, когда ты такая высокая и делаешь себе «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец.

— Никакая я не барышня! А если я делаюсь барышней оттого, что укладываю волосы, то уж лучше я буду носить две косы, пока мне не исполнится двадцать! — воскликнула Джо, стянув с волос сетку и стряхивая вниз свою густую каштановую гриву. — Противно даже подумать, что мне придется стать взрослой, называться мисс Марч, носить длинные платья и быть чопорной, как какая-нибудь китайская астра! И так уж скверно быть девочкой, когда я люблю все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры! Мне никак не свыкнуться с тем, что я не мальчик, а теперь даже еще тяжелее, потому что я до смерти хочу пойти в армию и сражаться плечом к плечу с папой, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, словно какая-нибудь сонная старуха! — И Джо так свирепо трянула синим солдатским носком, что спицы застучали друг о друга, как кастаньеты, а клубок запрыгал по комнате.

— Бедная Джо! Это ужасно, но ничего тут не поделаешь. Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата по отношению к нам, девочкам, — сказала Бесс, глядя всклокоченную голову Джо своей маленькой рукой,

прикосновение которой никакая самая тяжелая работа на свете никогда не смогла бы сделать грубым.

— А что касается тебя, Эми, — продолжила Мег, — то ты чересчур привередлива и церемонна. Пока это просто смешно, но если ты не остережешься вовремя, то, когда вырастешь, превратишься в глупую жеманную гусыню. Мне нравится и твоя благовоспитанность, и приятная манера выражаться, но лишь до тех пор, пока ты не начинаешь изощряться. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

— Если Джо — мальчишка-сорванец, а Эми — жеманная гусыня, то, будь добра, скажи, кто же я, — попросила Бесс, готовая выслушать упреки и в свой адрес.

— Ты просто прелесть, вот и все, — ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, потому что Мышка, как называли Бесс, была любимицей всей семьи.

Юные читатели всегда интересуются тем, «как люди выглядят», и потому мы воспользуемся этим моментом, чтобы дать им краткое описание внешности четырех сестер, которые сидели с вязаньем в руках в декабрьские сумерки, когда за окнами тихо падал пушистый снег, а в гостиной весело потрескивал огонь. Это была уютная старая комната; правда, ковер был выцветшим, а мебель очень простой, но зато на стенах висело несколько хороших картин, стенной шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели хризантемы и маленькие розочки, и все кругом дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами, прелестным ртом и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, очень высокая,

худая, смуглая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. У нее был четко очерченный рот, забавный нос и колючие серые глаза, которые, похоже, видели все сразу и смотрели то свирепо, то насмешливо, то задумчиво. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, однако обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали. Джо была сутулой, с большими кистями рук и стопами, к одежде своей относилась равнодушно и беззаботно. В целом она производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет — или Бесс, как все ее называли, — была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Отец называл ее «Маленькая Безмятежность», и это имя отлично ей подходило, ибо она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для встречи с теми немногими, кому доверяла и кого любила. Эми, хоть и младшая, была самой важной особой в семье — по крайней мере, в ее собственных глазах. Настоящая снегурочка с голубыми глазами, вьющимися золотистыми волосами, спускающимися на плечи, бледная и стройная, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя как юная леди. Что же касается характеров четырех сестер — выяснение этого вопроса мы оставим на будущее.

Часы пробили шесть, и, выметя золу из камина, Бесс положила перед ним домашние туфли матери, чтобы согреть их. Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была

вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы поддержать мамины туфли поближе к огню.

— Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

— Я куплю ей на мой доллар, — сказала Бесс.

— Нет, я это сделаю! — закричала Эми.

— Я старшая, — начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

— Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

— Слушайте, что я придумала, — сказала Бесс. — Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем.

— Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? — радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

— Я подарю ей пару красивых перчаток.

— Армейские туфли, лучше быть не может! — закричала Джо.

— Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, — сказала Бесс.

— Я куплю маленькую бутылочку одеколona. Он ей нравится, и к тому же это будет недорого, так что у меня останутся деньги и на карандаши, — добавила Эми.

— А как мы вручим ей подарки? — спросила Мег.

— Положим все на стол, приведем ее и будем смотреть, как она разворачивает свертки, — ответила Джо. — Помните, как это бывало раньше в наши дни рождения?

— Мне всегда было страшно, когда приходил мой черед сидеть в большом кресле с короной на голове и смотреть, как вы все маршируете кругом и вручаете мне подарки с поцелуями. Меня радовали и подарки, и поцелуи, но было просто ужасно, что вы сидите и смотрите на меня, пока я разворачиваю подарки, — сказала Бесс, подрумянивая на огне одновременно и свое лицо, и ломтики хлеба к чаю.

— Пусть мама думает, что мы хотим купить подарки для себя, а потом мы устроим ей сюрприз. За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества останется совсем немного, а нам еще столько всего нужно подготовить для постановки, — сказала Джо, поглядывая на всех свысока и расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками.

— Я, наверное, в последний раз принимаю участие в постановке. Я становлюсь слишком взрослой для подобных развлечений, — заметила Мег, которая оставалась сущим ребенком, когда дело доходило до всяких шалостей с переодеванием.

— Ну, я уверена, что, пока есть возможность разгуливать в белом платье с распущенными волосами и носить драгоценности из золотой бумаги, ты от этого не откажешься. Ты лучшая актриса среди нас, и, если ты бросишь сцену, нашему театру придет конец, — сказала Джо. — Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

— Что ж я могу поделывать? Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и делаться от этого сплошь в синяках я не собираюсь. Если я не

могу опуститься плавно, то уж лучше мне упасть в кресло, и все будет очень изящно. И пусть даже Гуго подходит ко мне с пистолетом, меня это мало волнует, — возразила Эми, которая не обладала драматическим талантом, но получила роль главной героини потому, что была достаточно маленькой, чтобы злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

— Сделай так: сцепи руки — вот так — и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня! Спаси!» — И Джо продемонстрировала этот маневр с мелодраматическим воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом выставила вперед совершенно прямые руки и двигалась резкими толчками, словно заведенная, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о страхе и душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния, Мег открыто засмеялась, а Бесс, с интересом заглядевшись на происходящее, дала хлебу подгореть.

— Бесполезно! Ладно, сделай что сможешь, когда придет время, но, если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы, произнесенной не переводя дыхания; волшебница Хейгар пропела ужасные заклинания над кипящим на медленном огне котелком, полным ядовитых жаб, добываясь тем самым сверхъестественного результата; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, умер в мучениях, вызванных мышьяком и угрызениями совести, с ледящим кровью «Ха, ха, ха!».

— Это лучшая из всех наших постановок, — сказала Мег, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

— И как это тебе удастся сочинять и ставить такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! — воскликнула Бесс, которая твердо верила, что все ее сестры обладают чудесными талантами во всех сферах.

— Ну, не совсем, — отвечала Джо скромно. — Я считаю, что моя опера «Проклятие волшебницы» — неплохая вещь, но я охотно попыталась бы поставить «Макбета», если бы только мы могли устроить на сцене люк для духа Банко. Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу перед собою?» — пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал какой-то знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

— Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! — воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

— Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, — раздался у дверей радостный голос; и актеры и зрители обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым материнским взглядом и приятным выражением лица, которое, казалось, всегда говорило: «Не могу ли я помочь вам?» — и было поистине восхитительным. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был очень благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.